

II.

ВЪ ЗАЩИТУ „ПРИНЯТАГО И ОБЫЧНАГО” ИЗЪЯСНЕНИЯ

Іоан. VIII, 44.

Когда въ Октябрьской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“ за прошлый годъ прочиталь я изъясненіе Іоан. VIII, 44; такъ тогда еще хотѣлъ было указать проф. Тарѣеву на серьезное его недомоганіе въ греческомъ языкѣ. Теперь, когда, и послѣ указанія проф. Богдашевскимъ „ненатуральности“ предложеннаго имъ изъясненія, онъ продолжаетъ отстаивать свой переводъ, приѣмлю смѣлость указать допущенныя имъ погрѣшности.

Онъ погрѣшаетъ совсѣмъ противъ элементарныхъ правилъ грамматики. Онъ глубоко заблуждается, когда и въ майской книжкѣ настаиваетъ, что „въ греческомъ *φειδότης* употреблено безъ члена, а *ὁ πατήρ* съ членомъ и потому эти два слова не могутъ быть одинаковыми частями одного предложенія, и именно двумя сказуемыми“. Но по законамъ греческаго языка изъ двухъ сказуемыхъ одного предложенія одно можетъ быть безъ члена, а другое съ членомъ; и это бываетъ всегда, если послѣ другого существительнаго стоитъ родительный падежъ мѣстоименій личныхъ и мѣстоименія *αὐτός* (какъ это и есть въ Іоан. VIII, 44). Въ грамматикахъ, обыкновенно, въ томъ-же самомъ параграфѣ, гдѣ идетъ рѣчь объ употребленіи члена, говорится также, что родительные падежи мѣстоименій личныхъ и мѣстоименія *αὐτός*, если находятся послѣ имени существительнаго, употребляются всегда съ членомъ, причемъ членъ ставится предъ существительнымъ; и въ греческомъ языкѣ никогда и нигдѣ нельзя встрѣтить выраженія: *πατήρ μου, — αὐτοῦ*, а непременно: *ὁ πατήρ μου, — αὐτοῦ* (вм. *πατήρ ὁ μου, — ὁ αὐτοῦ*).

И въ Ин. VIII, 44 предъ *πατήρ* стоитъ членъ не потому, что это слово—подлежащее, а потому, что послѣ него есть родительный падежъ мѣстоименія *αὐτός*,—что безъ члена это слово не могло быть употреблено, не смотря на то, что въ предложеніи является сказуемымъ.

Нелучше обстоитъ дѣло и съ союзомъ *ὅτι*. Совершенно вѣрно, что союзъ *ὅτι* значить „что“ и „потому что“, но въ текстѣ всегда можно найти указаніе, въ какомъ значеніи этотъ союзъ употребляется. Вѣдь, и въ русскомъ языкѣ характеръ предложеній опредѣляется не союзами, а болѣе существенными признаками, и часто одними и тѣми-же союзами начинаются совершенно различныя предложенія... Обыкновенно, *ὅτι* въ значеніи „что“ вводитъ повѣствовательныя предложенія; между тѣмъ—предложеніе „лжець и отецъ его“ такого характера не имѣеть. Если-бы это предложеніе было дополнительное, то оно было-бы выражено чрезъ инфинитный оборотъ, такъ какъ дополнительные предложенія, зависящія отъ глаголовъ говорить, думать (*verba dicendi, existimandi*), выражаются посредствомъ асс. с. infinit. Достоинно вниманія и то, что въ главномъ предложеніи глаголь *λαλεῖ* повторяется, значить—естественнѣе относить къ нему то-же дополненіе, что и въ первомъ случаѣ (*ψεύδος*), а не новое,— даже цѣлое предложеніе; новое дополненіе было-бы поставлено и въ зависимость отъ новаго глагола (напр. *λέγει*)...

Неправильно толкуеть проф. Тарѣвъ и мѣстоименіе *αὐτοῦ*, переводя его мѣстоименіемъ претяжательнымъ; тогда какъ здѣсь *αὐτοῦ* не притяжательное мѣстоименіе, а родительный падежъ личнаго мѣстоименія третьяго лица. Въ греческомъ языкѣ выраженіе: *στέργει τὸν ἑαυτοῦ (αὐτοῦ) πατέρα* переводится: онъ любитъ своего отца; а выраженіе: *στέργει τὸν πατέρα αὐτοῦ* переводится: онъ любитъ его (чужого, не своего) отца. Если-бы Ин. VIII, 44 имѣло смыслъ, навязываемый ему проф. Тарѣвымъ, то тамъ стояло-бы не *αὐτοῦ*, а *ἑαυτοῦ* или *αὐτοῦ* (съ густымъ дыханіемъ) и притомъ это *ἑαυτοῦ* или *αὐτοῦ* стояло-бы между членомъ и существительнымъ (и такое правило есть въ греческихъ грамматикахъ!), а не послѣ существительнаго. По правиламъ греческаго языка подъ *ὁ πατήρ αὐτοῦ* въ Ин. VIII, 44 нужно разумѣть чьего угодно отца (въ данномъ случаѣ—отца лжи), но только не лица, высказывающаго это (въ данномъ случаѣ—отца діавола); а проф.

Тарѣевъ придаетъ ему то значеніе, котораго единственно оно имѣть не можетъ.

Кромѣ всего этого, Ин. VIII, 44, предложенный проф. Тарѣевымъ: „когда онъ (діаволь) говоритъ эту ложь, отъ себя говоритъ онъ: что лжець и Отець его“ не то, чтобы „ненатураленъ“, а прямо-таки бессмысленный. Союзъ и—союзъ соединительный (и иногда усилительный), а между тѣмъ въ его переводѣ онъ ничего не соединяетъ и ничего не усиливаетъ; союзъ и имѣлъ-бы мѣсто, если-бы раньше былъ признанъ лжецомъ кто-либо другой; но раньше этого сказано не было. Какъ можно сказать: „и онъ неправъ“, не сказавши этого о комъ-нибудь другомъ? Да и могъ-ли діаволь когда-нибудь и гдѣ-нибудь сказать про себя, что онъ лжець?!... Между тѣмъ при „обычномъ“ переводѣ союзъ и умѣстенъ и необходимъ: „потомучто онъ лжець и (+) отецъ ея (т. е. лжи, какъ для устраненія лжетолкованій сказано въ синодальномъ переводѣ).

К. Тороповъ.

